

№ П1421
30.У.56г.

Членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены
Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС.

12

Письмо Н.Бухарина от 10.XII.37г. на имя Сталина.

Отп.30 экз.

З-яв

~~Весьма секретно~~

Лично

И.В.Сталину

Прошу никого другого
без разрешения
И.В.Сталина не читать

O.N.

13

7 страниц + 7 стр.
докл.зап.

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или non-existence целиком лежит в твоих руках...

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, браться ли мне за перо или нет, - я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, чтобы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.

1) Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2) Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на плenуме, лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слыхал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не придавал этому никакого серьезного значения - мне и в голову не приходило;

в) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице post factum, сказал Айхенвальд ("ребята собирались, делали доклад"), - или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев "ребят";

Расскажите членам Президиума ЧК, находившимся в зале Президиума ЧК и Серебрякову ЧК КНДР. 30/56 *Меркуза*

*Барышев
26.11.56*

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к "ученикам", искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Все остальное или не было или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

Я на пленуме говорил таким образом сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого "выхода", кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: ибо иначе выходило бы, что я "не разоружаюсь".

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, в) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других - по другому, третьих - по третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мұка, и главный мучительный пародокс.

5) Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех

ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все пугается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на иоту не злобствую и не ожесточен. Я - не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву ("первое свидание"). Хочешь верь, хочешь не верь, но вот этот факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. За это прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего "прости". Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощенья, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергееву^Н. Она подошла ко мне и говорит: "Что же это такое сделали с Вами, Н.И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки". Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб... ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н.С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и не даром подсознательное моего несчастного "я" вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал... Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали! Ну, да это "психология" - прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Аврамов, и роковые судьбы осуществляются!

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой - ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно; я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы.

б) если меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтобы я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжалитесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как - знаю хорошо - что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше.
Молю об этом...

с) прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее, это ей слишком будет тяжело, так же, как Наде и отцу. А Анюта - молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова. Я просил бы дать мне с ней свидание до суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чем я сознался, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации.

д) если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой)

а) либо выслать меня в Америку на п лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся ин-

теллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К° и т.д.

β) Но если есть хоть атом сомнения, то выслать меня хоть на 25 лет в Печору или Колыму, в лагерь: я бы поставил там: университет, краеведческий музей, технич.станции и институты, картинную галерею, Т.Д. этнограф-музей, зоо- и фито-музей журнал лагерный, газету

Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей.

Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно как сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: философская работа, оставшаяся у меня, — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклее де Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я делаю все человечески возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над i. Сделал это заранее, так как совсем не знаю, в каком я буду состоянии завтра и послезавтра etc.

Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевельнуть.

421-6

- 6 -

А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного Н.БУХАРИН

10.XII.37г.

Сюда приложение на 7 страницах.

Письмо Н.Бухарина поступило в Особый Сектор ЦК 2.XII.1938 г. без приложения. Другого экземпляра письма в архиве не имеется.

Ревизия
ДАССЕКРЕТНО
Мурко

И. В. Станич

(7 страницы
+ Temp. док.
зап.)

Прочту твоего другого
без разрешения И. В.
Станич Ил Чимади

Часыр Висаришковых!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его — несмотря на то, что я — арестант, без всякой официальной защиты. Тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или существование человека лежит в твоих руках..

Сейчас переворачиваются последние страницы моей брачной, болезненной, моей приватной жизни. Я честно думал, братил внимание на него или нет — я весь дорогу сейчас от беспомощности. Тогда я знал и едва владел собой. Но именно потому, что ночь идет о пределе, я хочу послать с тобой Заранее, пока еще не поздно, и пока не изменила рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока пока еще функционирует мой мозг.

Утром не было никаких недоразумений, я ~~все~~ с самого начала в 20-х годах здесь, что здесь лично (одинично) я которого все собираюсь брать в твои, что я написал; 2) я тихого в этот смысле (и то связь с этим) не напечатал тебе так просиши, ни о чем не хочу упомянуть, что он свободно ~~был~~ дело с твоим рельсом, по которому оно катилось. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу жить из往事ов, не написав тебе этого последних строк, — что не может обуздать мучение, о котором ты должен знать.

1) Утром на краю пропасти, из которой нет возврата, я дам тебе предсмертное честное слово, что я невинован в твоих предположениях, которые я подтвердил на следствии.

2) Перебирая все в уме, как можно я способы, я могу, ~~вспомнить~~, в дополнение к тому, что я говорил на пленке, лишь одно:

Земб:

- a) Чо когда-то я с юю-то слыхал о Бакрике, Кагарове, Кудашкина, то никогда не придавал этому никакого серьезного значения - либо и в голову не приходило;
- b) Чо о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рюбинской конференции), мне лично, ка учице, post factum, сказал Аникеевский („ред. эта содирались, делали доклады“) - или чо в Удмуртской республике это скромно, показывал редко;
- c) Чо в 1932 году я вступила в по франшизе к членам, исключительно потому, что я их привела членами к партии, а иначе я бы не стала Всю и все. Там я отмечала свою членство во мношеси. Все остальное я не знаю, или, если знаю, то я с юю-то ничего не знала предъявление.

Я та же вступила в партию таким образом сущую правду, Потом мне не верили. И чутк я говорю авсюду правду: ве поездил год и глупо и искренно проводил партийную линию и занимался по уланому. Уже чепуха и ложь.

3) Мне не было никакого „входа“, кроме, как подтверждать обвинение и показание других и разыгрывать их: чо иначе выходило бы, чо я ее распоряжалась!

4) Кроме внешних показаний и аргумента 3) (всие), я, думаю над тем, чо произошло, соорудил промежуточную концепцию:
Есть Какаш-Ю большое и смелое политическое идеи генераль-
ской чистки: а) в связи с предстоящим временным, б) в связи с
переходом к демократии. Эта чистка захватывает ^{демократии,} подрыватель-
ство, и подрывательство-подрывательство. Без мене здесь не мо-
жет обойтись. Одних одевает в генеральскую, других - по другому,

Дружих - то дружину. Страждование и мечтание о том, что люди неизбежно говорят друг о друге и каковы и посыпают друг к другу недоверие (смущу до сей: Как я огнился на Радека, которого я не знал на-
прим! а потом я сам помчал по землю путь...), Такими отравами, у
руководства создаются политические заговоры.

Ради бора не пошли так, что и здесь скрою упрекаю, да же в раз-
личных санных сюжетах. И кафтаны ворог из белых пеленок, что
ропишаш, что боязни плач и боязни идеи и боязни интереса
перекрывают все, и это от мелочного забывания вопроса о своем собствен-
ной персоне кафтану с белым-желтым шестиконечным Гадагашем, легкими -
ми предмецами на юных плечах.

Но је јо у мене и шавкаш мјука, и шавкаш мудијески парадокс
5) Еаки он и ови ассоцијати уверен, што јо именно Так и дума-
еш, јо у мене ка думе било он никога споменик. Ну, чо не! Ну-
жно, Так нужно. Но-погуб-у мене судже одржавају се горе кај
отруєн кроћи, кога је подучавао, чо јо можештв верити в мон
предупредење и в чудине дјели сам думасав, чо је во већ уда-
са делу свијетло нападен. Морда чо же воноду? Уп је сам
помагао помажају се рида града (нарикае с себе самога!), јо се ни
делак саведомое зго! Морда чо кичио те оправдано. И већ ну-
мају се у мене в гробу, и хотима кај крик крикаш и барбас воноду
о Јелку: већ, је че спањовић примијешили другах. Чо же дешав? Чо дешав?

(6) Я ти на чому те заслужују и не оправдоген. Я - не христианин.
Но у мене есть свои страхи посты. Я чудачю, что тебе расплачусь
же когда, когда я действительно был борбом. И если хочешь увидеть меня, то
давай все мои мечты останутся одни фантастические, которые я, может быть, и
реализовал: однажды, вероятно, летом 1928 года, я обнаружу тебя, и я ~~не буду~~

20-05.

4

Мне говорили: Знаешь, отчего я с Тобой разлучу? Ты, ведь, не способен
на интиму? Я говорю: Да. А в это время я верну к Каменеву
(первое сидение"). Хочешь верь, хочешь - не верь, то вот этот доктор
у меня в голове, как какой-то первородный грех дает тебе избое. Бояре,
какой я для шайбашки и дурак! А Теберь пишешь за это своей
государю и всем градом. За это проги меша, когда. Я пишу и пишу
Мне ничего уче не нуло, да Ты и сам знаешь, что я скорее
захудшаю свое положение, что позовешь сюда все эти писать. Но
я не могу, я не могу просто молчать, не скажав Тебе последнего, прости.
Вот подпись я и не подписывал на него, карандаш с рукояткой
и кончик следовательский и у Тебе проги пропущено, хотим я удел
наказать Тебя, что все помярко, и Теберю пачка на пада моя.

7) Когда у меня были эти газетчики, я видел несколько раз Тебе и
один раз Надежду Сергеевну. Она подошла ко мне и говорит: "Ура же
ты такие сделали с Вани, Н. И.? Я Чистую скажу, что от вас
всем на поруки." Ура это Так реально, что я чуть было не всплакнул
и не стал писать Тебе, что... я всем меша на поруки! Так у меня
реально эта переговорка с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверил
он ни за что, что я получалшил прорыв Тебе, и не даром под-
сознательное моего ненасыщенного я "всегда этот бред. А с Тобой я
засмы разговаривал.. Господи, если бы они такой инструмент, что
бы я видел всю свою расхлеванную и издерзанную душу! Если
бы я видел, как я вступлене к Тебе приводят, сидят по другому,
так Степан и Мария! Ну, да. Это "психологиче" - прости.
Теперь твой актер, который обвел он меч Авраамов, и бояльне
судить осуждества!

8) Позволь, напоследок, перейти к последним моим гаданиям

просьбами:

- a) Мне ~~не~~ нужно раз умереть, так перед этим предупреждите про-
цесс! я просто не знаю, как ие согласить сам с собой - то зная
меня природу; я не враг ни партии, ни ССР, и я не сделан, чтобы
в моих силах, то сило есть в такой обстоятельств мимошанс, и
желание тут быть подожданным в доме; я добр, нравствен страд и гордость,
и я коему ушиблен ты, что не было этого. Но это то, вероятно,
я не возможен; я бы просил, если возможено, дать мне воз-
можность умереть до суда, хотим я знать, как то сильно страдаю
на такие вопросы.
- b) Если ~~бы~~ предстану мне удет смертью приговор, то я зара-
нее буду прогноз, заключая примо всем, что будет дурно, замечну
расстройства тебя, что я сам вспомню в камере эту (да я могу
запомнить, что я заснул и не просыпалась). Дни меше Утомлённых
крайне боязен, я не знаю, какие слова и домыслы такие ты, чтобы
запомнил об этот, как о личности: Ведь, политически это ничега-
то не получается, да никто этого и зная то будет. Но дай же мне
провести последние секунды так, как я хотя. Спасибо! Мы,
запомиши хорошо, погибешь. Я никогда смотрю исклони гла-
зами в лицо смерти, тогда так же, как - запомни хорошо - что спо-
собен на храброе подступка. И никогда так же и убью так
смерть, что никого все не останет. Так если мне сущес-
тва смерть, прогноз о морфийной смерти. Молчано об этот ..
- c) ~~Чтото~~ прогноз да простудиться с зрени и силами. Довери не нужно:
запомни её, что ей спасибо будут нельзя, так же как Наде и Ольга. А
Никита - молодец, перерывев, да и мне хочется скажи её послед-

21-05.

6

тих слова, Я просил бы дать мне с твоим съдописанием до суда.

Аргумент Тихова: если моя должностная чиновница, в том и соглашалась, и, они могут поговорить с собой ^{о неподобающему} и как-то дозволят подчиненных занять. Мне кажется, что это в интересах дела и в его организованной интерпретации.

?) Если мне будет сохранено, наше заявление, увидеть, то я бы просил (чтобы мне куплено было от повторного срыва)

а) надо взыскать меня в Америку на 11 лет. Аргумент за:

я провел от Кампанио по процессам, был он американской стороны против Троухо, ~~и~~ перенесли он все имеющиеся атомы колебаний — в интересах инженерии, где он гражданский Агент Троухо, и был он это дело с большими различиями и привело с этическими нормами;

может быть от него есть какой-то квалифицированный генетика и,

в качестве доблестной гарантки, то никогда не вернется домой тому,

но я и то даме ее доказать, как я это морду Троухо и К° и т.д.,

но, если есть хоть одно сомнение, то Неторопя аб

б) здесь взыскать меня хотя бы 25 лет в Колонии, в лагерь:

и от подставки Там!

Университет,	краеведческий музей,	Технич. стекольный
академия,	кардиологический гиперен,	и т.д.
этнограф. музей	зоо- и физ.-музей	журнал лагериста,

лагерь

культурную

Словом, чтобы от пытливую загипнотизированную работу, посыпалась Там до конца дней своих с семьей

По всему миру, я заявляю, что работают они где угодно, как ~~это~~ самая машина.

(Однако, но правде сказать, я на это не надеюсь, что самой гражданской

уничтожение духа русского предстало пленуна губернатора за содея (а
з, веде, вижу, что дело идет к тому, что не сиюдне - забыть - прогес).

Вот, какое, все мои последние простыни (<sup>был: приватная рабочая,
одевалась у меня - в окон-
сечах много полезного.)</sup>)
Иосиф Васильевич! Мы потерпели во мне одино из споров -
нейших своих генералов, где действительность преданиях. Но это уже
прошлое. Мне вспоминается, как Марке пишет о Баррише de Molle,
обвинении в измене, что Александр I потерпел в нем зря такую
подозрительную. Гортко думать обо всем этом. Но я готовиться ду-
мально к уходу от земной тюрьмы, и нея во мне не бываете -
тино ко всем винам, а к парижам, и ко всему делу - никаким, кроме
великой, беспакорной любви. Я ~~бы~~ гарантирую все человечески
воздиженное и невоздиженное. Одно вине я тебе написал. Поста-
вил все морки на т. Сделал то запасе, так как совсем не
знаю, в каком я буду состоянию забыть и посыпался etc.
Вот Морес № 76, что у меня, как у небрасенного, буде запас
универсальная анафре, что и Пашинка не смогу помешавшую. А
сейчас, ходя с горючей бутылкой и со свечами на улицах, все прошу.
Но в ступренном состоянии чиста перед Годой Женевы, Конс. Прощу у
тебе последнего прощенье (душевного, а не другого). Убийство
Мориц Тебе отдано. Прими кавказ и не поминай никого
своих недругов обрати.

10-XII-37

Сюда пришлось на Устрианиках

2d-05

Задача суперго.
РАССЕКРЕЧЕНО

Л. В. Сидорину

Кречинъ

Причины такого другого
не указать

(
7 смр. письма
+ 7 смр. прилож.)
14.

от И.Бухарина